
РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

Е. Н. Лисанюк¹

РЕШЕНИЕ СПОРА ПРОТАГОРА С ЭВАТЛОМ ПРИ ПОМОЩИ АРГУМЕНТАЦИИ О ДЕЙСТВИЯХ²

Резюме: Спор Протагора и Эватла в суде по поводу платы за обучение ошибочно считают логическим парадоксом из-за двойной путаницы: действия спорщиков принимают за предложения, описывающие факты, а эмпирическую несовместимость действий — за логическое противоречие. В статье при помощи двух критериев, пропозиционального и экспрессивного, предлагается провести два связанных между собой разграничения: между действиями и их пропозициональным описанием, и между аргументами, основанными на тех и других соответственно. Второе разграничение позволяет сформулировать акциональное решение Спора, согласно которому Протагор получает плату в любом случае, потому что Эватл — это виртуальный участник спора, действия которого по внесению или невнесению платы, выступающие в качестве аргументов, выполнимы вместе, хотя и представлены в Споре при помощи противоречащей пары предложений.

Ключевые слова: Протагор, Эватл, пропозиция, логический парадокс, аргументация, действие, софизм, противоречие.

---

¹ Лисанюк Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena Lisanyuk, PhD, Associate Professor, Department of Logic, Saint Petersburg State University.
e.lisanuk@spbu.ru

² Исследование поддержано РГНФ, проект № 15-23-01002.

Этот доклад представляет собой расширенную версию моего сообщения *Euathlus is virtual in the dispute about Protagoras's tuition fee* на Международной конференции «Rationality in action: Intentions, Interpretations and Interactions» (Москва, 26–28.10.15) [Lisanyuk 2015a]. За ценные замечания и комментарии я признательна участникам этой конференции: Елене Драгалиной-Черной, Ивану Микиртумову, Барту Гёртсу (B. Guerts), Алларду Тамминге (A. Tamminga) и Виталию Долгорукову. Я также благодарна Вадиму Куликову, Даниилу Тискину и другим участникам конференции за полезную дискуссию после моего доклада на XII Международной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» LoTo2016 (Санкт-Петербург, 22–24.06.2016), а также анонимному рецензенту журнала.

Elena Lisanyuk

A SOLUTION OF THE DISPUTE BETWEEN PROTAGORAS AND EUATHLUS BY MEANS OF ARGUMENTATION ABOUT ACTIONS

Resume: The famous Paradox in Court tells us a story of the dispute over Euathlus's tuition fee reportedly owed to Protagoras. I argue that the dispute is wrongly believed to be a logical paradox because of a double confusion: Protagoras's and Euathlus's actions are mistaken for the propositions expressing them what leads to mistaking the empirical incompatibility between the actions for the contradictoriness in the pair of the descriptive propositions. I draw two distinctions between actions and propositions, propositional and expressive, with the help of which I introduce my actional solution to the dispute and classify its logical and juridical solutions proposed before. According to my solution, Protagoras gets paid anyway because, as the argumentation in the dispute suggests, there is only one rational agent in it whose actions are described in two ways, by means of the two pairs of the propositions one of which is a contradiction while the other is not. Discriminating between actions and propositions highlights the roots of their confusion and paves the way for the conclusion that Euathlus is virtual in the dispute, and this is so for historical and cognitive aspects as well. *Keywords:* Protagoras, Euathlus, proposition, logical paradox, argumentation, action, sophism, consistency.

1. ВВЕДЕНИЕ

Несколько лет назад мы с моим коллегой И. Микиртумовым опубликовали статью [Лисанюк, Микиртумов 2009], где предложили ряд вариантов решения Спора Протагора и Эватла, два из которых продолжали меня занимать: что-то существенное, характеризующее оба эти решения, ускользало от понимания. Неявно подразумеваемый акциональный характер — такова особенность этих двух решений, а это означает, что Спор Протагора и Эватла является спором о действиях, которые они намерены совершить ради определенных целей, а не о их мнениях, которые они отстаивают, потому что считают истинными. По этой причине Спор Протагора и Эватла нельзя считать логическим парадоксом в строгом смысле слова, и то, что подобное мнение весьма распространено, есть следствие путаницы между спором о мнениях и спором о действиях, или, если выразить это иначе, — следствие путаницы между действиями и описывающими их предложениями.

Причиной этой путаницы выступают два связанных между собой обстоятельства. Во-первых, сам Спор и его решения пытаются формулировать в русле споров касательно мнений, а не действий, и поэтому ошибочно принимают рассуждения спорщиков о своих действиях за дедуктивные умозаключения, элементами которых выступают предложения (пропозиции). Во-вторых, в сюжете Спора рассматривают пары противоречащих друг другу предложений, описывающих совместимые действия, вместо того, чтобы делать наоборот — исследовать пары совместимых действий сторон Спора, отграничив тем самым их от несовместимых действий, выражающих конфликт. Разбираться в этой путанице я начну с изложения сюжета Спора и двух решений, предложенных в нашей с И. Микиртумовым статье и подказавших акциональное решение.

2. АНТИЧНЫЙ АНЕКДОТ О СПОРЕ В СУДЕ

Сюжет Спора Протагора с Эватлом, его еще называют Парадоксом в суде, дошел до нас в нескольких античных источниках:³

Известный софист Протагор был популярным оратором и занимался обучением молодых людей ораторскому мастерству. К нему в ученики попросился юноша по имени Эватл, в дальнейшем он собирался посвятить себя судебному делу. Об оплате услуг договорились так, что Эватл заплатит учителю, когда выиграет свой первый процесс. После обучения у Протагора Эватл, однако, в процессах участвовать не стал, и долг Протагору за обучение так и оставался непоплатенным. Не дождавшись его погашения, известный софист обратился в суд, рассуждая, что если он выиграет процесс, то Эватла обяжут заплатить по решению суда, а если проиграет, то Эватл должен будет заплатить по договору. В ответ на это Эватл заявил, что, напротив, если он проиграет процесс, то не должен платить по договору, а если выиграет, то не должен платить по решению суда.

Аргументы Протагора и Эватла озадачили судей, ведь требования каждого виделись им взаимоисключающими, равно как и доводы в их поддержку, поэтому судьи не стали выносить никакого вердикта, отложив это на неопределенный срок, сообщает Авл Геллий, поместивший рассказ об этом споре в рубрику *reciproca* — взаимоисключающих аргументов. Один из двух вариантов решения, подсказавший акциональный подход, — это распространённое решение Спора касательно последствий того, что судьи отказались от вынесения вердикта:

[Д]анное разбирательство не является тем процессом, в котором успех Эватла является основанием для оплаты учебы. Не присудив Эватлу платить, суд явным образом не поддержит ни одного из спорщиков, а неявно — Эватла. Тем самым, после данного суда учитель и ученик могут снова вернуться к вопросу о том, была ли только что состоявшаяся тяжба такой, что знаменует начало действия второй части договора — той, что касается оплаты. Теперь Эватлу придется заплатить, потому что в ходе тяжбы обе стороны поддержали эту presupposition. [Лисанюк, Микиртумов 2009: 91]

Этот вариант решения демонстрирует, как то, что видится не-действием или бездействием, т. е. отказ судей вынести вердикт, есть в некотором смысле также и действие, а именно, во-первых, отказ от вынесения вердикта как молчаливое решение Спора, и, во-вторых, неявная поддержка позиции Эватла посредством отказа удовлетворить требования Протагора. Подсказка здесь состоит в том, что противоположное действию сознательное не-действие или бездействие есть тоже действие, т. к. является поступком, в котором отказываются выполнить некое действие, выбирая тем самым противоположную линию поведения по отношению к той линии поведения, к которой принадлежит отклоняемое действие. Следовательно, несмотря

³ Эту историю о споре Протагора и Эватла с некоторыми различиями в деталях находим у Авла Геллия [Авл Геллий 2007–2008: V P407], у Квинтиллиана [Квинтиллиан 1834: III, 1, 10] — он не упоминает о споре, но сообщает, что Эватл заплатил Протагору за обучение 10000 динарий у Диогена Лаэртия [Диоген Лаэртский 1986: IX, 56]. Аналогичный спор приписывают сицилийскому ритору Кораксу (V в. до н. э.) и его ученику Тисию [Cole 1991].

на то, что такой отказ от действия или не-действие может быть выражен в диалоге описательным предложением, сам по себе он не является мнением или позицией агента по поводу каких-либо фактов или событий.

Второй вариант нашего решения указывает на причину возникновения видимости логического парадокса там, где парадокса нет:

Здесь, как кажется, наконец, и состоится парадокс, ведь мы получим столкновение двух предложений долженствования, вытекающих, первое — из решения суда, второе — из договора: «Эватл должен заплатить» и «Неверно, что Эватл должен заплатить». Но эти предложения только кажутся противоречащими друг другу. Стоит нам уточнить их содержание, как мы получим пару предложений, выражающих мотивированные предписания, прагматическая успешность которых связана с совершением определённых действий.

«Эватл должен заплатить по решению суда» и «Эватл не должен заплатить по условию договора».

Даже при одновременном действии этих предписаний Эватл легко их выполнит: он заплатит Протагору по решению суда, но Протагор вернёт ему деньги по условию договора. [Лисанюк, Микиртумов 2009: 97]

Подсказка здесь заключается все в том же: пары действий, даже несовместимых между собой, не составляют логического парадокса, который могут образовать только пропозиции, или описательные предложения.

Тот факт в истории Спора, что судьи отказались принимать решение, определенным образом связан с тем, что Спор ошибочно считают парадоксом. Краеугольным камнем предлагаемого здесь акционального решения выступает разграничение между спором о фактах и спором о действиях. Действительно, если принять, что Протагор и Эватл поспорили относительно фактов или ситуаций, то этот спор является логическим парадоксом, и судьи, отказавшиеся вынести вердикт по делу, как кажется, заняли именно такую позицию. Однако из истории понятно, что Протагор и Эватл не спорили о фактах или своих мнениях о них, они вступили в конфликт по поводу своих действий касательно оплаты обучения. Если трактовать их спор в акциональном ключе, как спор о том, как следует поступить, а не в пропозиционном — как спор о том, какое предложение считать истинным, а какое — нет, то решение найти нетрудно. На это обстоятельство указывают и некоторые ранее предложенные решения данного Спора, которые в п. 6 будут классифицированы на основе акционального подхода.

Откуда возникает идея о том, что этот спор представляет собой логический парадокс? Первая причина, как уже говорилось выше, заключается в том, что действия трактуются дескриптивно, как предложения. Вторая причина состоит в том, что связь между действиями Протагора и Эватла и вердиктом судей в античном анекдоте понимается как взаимная зависимость, т. е. они трактуются как достаточные условия друг для друга, что необычно для отношений между действиями обычных людей и судебного вердикта. Рассмотрим это подробнее. В споре есть два главных вопроса:

(i) какой вердикт следует вынести судьям?

(ii) каким образом Протагор (на законных основаниях) может получить плату за обучение от Эватла?

Вопрос (ii) может быть сформулирован и относительно Эватла:

(ii') каким образом Эватл может избежать платы за обучение (на законных основаниях)?

Рассуждения аналогичным образом можно сформулировать относительно каждой из этих двух версий, и для краткости изложения в этом разделе статьи будем использовать только версию (ii). Предлагаемое акциональное решение покажет, почему (ii) и (ii') — это две формулировки одного и того же вопроса, а не два разных вопроса. В контексте вопроса (i), подразумевающего, что судьи еще не вынесли вердикт, условимся считать, что Протагор только намеревается обратиться в суд, а Эватл, соответственно, намеревается дать ему отпор в суде.

Отметим две особенности понимания действий, совершаемых в ответ на вопросы (i) и (ii), и отличающих этот спор от других подобных ему споров. Эти особенности проливают свет на то, почему Спор Протагора и Эватла считают парадоксом. Одна из них уже упоминалась выше и заключается в том, что как вердикт суда, так и действия Протагора и Эватла считаются достаточными основаниями одно для другого в равной степени, что создает необходимое условие для (видимости) парадокса. В самом деле, ответ на (ii) может состоять в том, например, чтобы ждать, пока Эватл исполнит условия договора, или в том, чтобы обратиться в суд с требованием оплаты, и многие из подобных ответов можно считать подходящим основанием для решения судей, т. е. для ответа на (i). Однако обратное неверно: вердикт суда не может быть основанием для обсуждения действий сторон, составлявших суть судебного спора, по которому он вынесен. Когда в конфликте Протагора и Эватла имеется ответ на (i) — определенный вердикт суда, то он и представляет собой окончательный ответ на (ii), отклоняющий все другие ранее возможные ответы на него. Иными словами, вердикт суда, когда он вынесен, служит решением конфликта Протагора и Эватла о плате за обучение, потому что указывает, какое из заявленных требований — учителя или ученика — надлежит удовлетворить, а какое — нет. Тем самым вердикт закрывает спор относительно ответов на (ii), и действия Протагора и Эватла, которые ранее можно было обсуждать в режиме спора между ними, отныне стали обязательными, запрещенными или дозволенными, и их, соответственно, стороны должны выполнять, подчиняясь вердикту.

Вместе с тем, сюжет Спора построен так, что ответы на (ii) могут служить доводами в пользу вынесения того или иного вердикта в ответ на (i), и наоборот. Вопреки обычному представлению о судебных вердиктах, в сюжете Спора не принимается, что обратное неверно. В Споры Протагора с Эватлом не принимается, что вердикт суда, или ответ на (i), есть также и окончательный ответ на (ii). Напротив, в анекдоте считается, что ответы Протагора и Эватла (ii) и ответ на (i), представляющий собой вердикт суда, имеют *одинаковую* силу, что находит выражение в аргументах Протагора и Эватла в пользу своих требований — они взаимоисключающие и тоже имеют *одинаковую* силу. Отметим, что имеется единственный случай, когда статус вердикта суда окажется равен статусу решения внесудебного спора сторон, и признание судом решения внесудебного спора не составляет такого случая. Такой случай — это спор вокруг одного единственного действия, т. е. видимость спора, по сути.

Другая особенность трактовки действий, совершаемых в ответ на (i) и (ii), заключается в том, что действия отождествляют с их описанием. Далее, поскольку действия считают одновременно взаимоисключающими и равными в смысле предпочтительности их совершения, постольку их описания представляются противоречивыми, что ведет к пониманию их в духе логического парадокса.

Таким образом, одна часть путаницы в споре состоит в том, что в ответе на (ii) действия участников спора путают с описанием ситуаций, к которым эти действия ведут. Вторая часть путаницы — это следствие того, что в споре ошибочно усматривают логический парадокс, и она состоит в неверной оценке сути и связи между собой ответов на (i) и (ii).

3. ДЕЙСТВИЯ ПРОТАГОРА И ЭВАТЛА В СПОРЕ

Обсудим эти особенности подробнее и напомним, что вопрос (ii) можно сформулировать относительно Эватла:

(ii') каким образом Эватл может избежать платы за обучение (на законных основаниях)?

Ответы на (ii) и (ii') в сюжете спора представлены как несовместимые: если ответ на (ii) — позитивный и в пользу Протагора, т. е. он получает долг за обучение в Эватла, это одновременно означает, что ответ на (ii') — негативный, и означает, что Эватлу не удалось избежать уплаты долга. Таким образом, ответы как на (ii), так и на (ii') в равной степени способны играть роль разумных оснований для формулирования ответа на (i).

Рассмотрим эти ответы:

- (iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда*
vs (iiPV-) *Протагор не получает плату по вердикту суда;*
- (iiPC+) *Протагор получает плату по договору*
vs (iiPC-) *Протагор не получает плату по договору*
- (ii'EV+) *Эватл платит по вердикту суда*
vs (ii'EV-) *Эватл не платит по вердикту суда*
- (ii'EC+) *Эватл платит по договору*
vs (ii'EC-) *Эватл не платит по договору*

Отметим два существенных аспекта связи между (i) и (ii):

(a) Любой из связанных с договором ответов на (ii) и (ii') способен стать содержанием ответа на вопрос (i). Иными словами, судебные вердикты и в пользу Эватла и в пользу Протагора в равной мере могут быть обоснованы при помощи любого из четырех ответов, не упоминающих вердикт. При этом если мы допускаем взаимную зависимость между (i) и (ii), как это сделано в споре, то таких аргументов становится восемь (см. п. 6);

(b) Действия, на которые указывают утвердительные и отрицательные ответы на (ii) и (ii'), выполнимы вместе, и не составляют противоречия, если рассматривать их эмпирически и вне контекста этого спора.

Именно эмпирические, а не логические основания делают несовместимыми пары утверждений

(iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда*
и (iiPC+) *Протагор получает плату по договору,*

а также

(iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда*
и (ii`EV-) *Эватл не платит по вердикту суда.*

В отличие от логической несовместимости в паре утверждений

(ii`EC+) *Эватл платит по договору*
vs (ii`EC-) *Эватл не платит по договору.*

Отметим также, что эмпирическая несовместимость в паре утверждений

(iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда*
и (iiPC+) *Протагор получает плату по договору,*

связана исключительно с сюжетом анекдота, согласно которому в основании первой несовместимости можно усмотреть какие-либо скрытые предпосылки — эмпирические условия. Такими предпосылками могут быть представления о зависимости или независимости договора между Протагором и Эватлом и вердиктом суда, о которых говорилось выше, или идея о том, что Протагор не требует оплаты обучения дважды, и по договору и по суду, что было бы несправедливо. уже основана на очень важной скрытой предпосылке, которую автор принимает, даже не обсуждая ее, — вердикт суда независим от договора. В самом деле, если судьи решат, что невнесение Эватлом платы нарушает договор, поэтому ему надлежит заплатить Протагору, как было условлено в договоре, то внесение Эватлом платы по договору будет также и внесением платы по вердикту суда, требующему соблюдать договор, и наоборот. В этом случае утверждения (iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда* и (iiPC+) *Протагор получает плату по договору* становятся вполне совместимыми между собой логически, оставаясь по-прежнему несовместимыми эмпирически в силу связанного с сюжетом спора представления о несправедливости двойной оплаты, ведь по вердикту суда ли, по договору ли, Эватл обязан заплатить только один раз. Как видим, за пределами сюжета эмпирической несовместимости между этими утверждениями нет. В отличие от этого, в паре утверждений

(iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда*
и (ii`EV-) *Эватл не платит по вердикту суда*

Несовместимость связана не только с сюжетом анекдота, но и с тем, что если имеет место действие, о котором говорится в (iiPV+), то не имеет места действие, описываемое в (ii`EV-), и наоборот. Однако в паре утверждений

(iiPV-) *Протагор не получает плату по вердикту суда*
и (ii`EC+) *Эватл платит по договору*

подобной несовместимости нет ни в акциональном смысле, ни в смысле сюжета анекдота, т. к. в эмпирическом смысле выполнение одного действия есть также и выполнение другого, и наоборот.

Это означает, что одни и те же действия могут быть описаны по-разному при помощи различных утверждений, которые могут быть как совместимыми, так и несовместимыми в разных смыслах.

Рассмотрим более детально, как это происходит. На первый взгляд кажется, что в анекдоте явным образом говорится о двух действиях, представленных каждое, по меньшей мере, в двух версиях, позитивной и негативной: действие Эватла по (не)оплате долга за обучение и действие Протагора по (не)получению этой платы. Отметим некоторые особенности этих двух действий: первое — активное и его совершает один агент, Эватл, а второе — пассивное, совершается другим агентом — Протагором.

Как мы видели в п. 2, особенность этих двух действий, играющая важную роль в рождении видимости парадокса, заключается в том, что они могут быть описаны по-разному: парой противоречащих предложений, например, (ii`EV+) и (ii`EV-), равно как и парой предложений совместимых логически между собой, например, (ii`EV+) и (ii`EC+). Вместе с тем, в эмпирическом смысле выполнение действия оплаты, описываемого в позитивной версии его описания *Эватл платит по суду*, есть одновременно выполнение негативной версии его описания, т. е. (не)оплаты *Эватл не платит по договору*, и наоборот. Однако, с другой стороны, если выполняется действие оплаты, описанное в позитивной версии *Эватл платит по суду*, то невозможно выполнить вторую позитивную версию *Эватл платит по договору*, т. к. это действие оплаты долга Эватлом уже было совершено. Таким образом, возникает путаница в предложениях, или лингвистических выражениях, описывающих действия, о которых рассказывает анекдот, и, чтобы в ней разобраться, нужно исследовать отношения между самими действиями. Это позволит провести разграничения и между действиями, и между предложениями, используемыми для указания на них.

4. ДЕЙСТВИЯ, ПРОПОЗИЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

В логическом смысле различие между действием и пропозицией заключается в двух ключевых аспектах, назовем их условно пропозициональным и экспрессивным. Пропозициональный аспект касается возможности приписывать им логические значения, он касается их истинно-значности: пропозиции — это особые ментальные сущности, служащие описаниями неких фактических положений дел, и они могут быть истинными или ложными. Действия не могут быть истинными или ложными в том же смысле, в каком это можно сказать о пропозициях, потому что действия сами являются эмпирическими фактами, их можно выполнить или отказаться выполнять, чего нельзя сделать с пропозициями. Это различие, в свою очередь, ведет к функциональному разграничению между ними, согласно которому пропозиции могут выступать посылками дедуктивных умозаключений, корректность которых напрямую связана с логическими значениями пропозиций — его элементов, а действия — не могут⁴.

⁴ Динамическая логика и логика действий в терминах stit-структур, показывающие весомые успехи в исследовании действий, изучают все же не сами действия непосредственно, но ситуации, возникающие в результате их реализации, т. е. изучают действия посредством описаний.

Экспрессивный аспект указывает на то, каким образом в рассуждениях можно обращаться с действиями и пропозициями в связи с тем, что пропозиции есть характеризующиеся при помощи логических значений *описания* ситуаций или действий, а действия не являются *описаниями* чего-либо вообще. Пропозициональный и экспрессивный аспект проливают свет на то, что общего есть между действиями и пропозициями, и в чем они различаются.

В экспрессивном аспекте пропозиции и действия мало отличаются друг от друга, ведь и те и другие могут быть выражены посредством каких-либо предложений естественного и формального языка. Трудно найти способ, чтобы как-то иначе выразить и те и другие, не прибегая к помощи лингвистических конструкций, и в этом общем для действий и пропозиций свойстве коренится одна из причин путаницы, возникающей при реконструкции этого спора. Одно и то же выражение можно использовать для указания на действие как некое событие или процесс в физическом мире и на пропозицию как некую ментальную сущность, описывающую это событие или процесс. С этим мы сталкиваемся в предложениях, при помощи которых представлен спор Протагора с Эватлом. Так, предложения

- (ii`ЕС+) *Эватл платит по договору*
и (ii`ЕС-) *Эватл не платит по договору*
(ii`EV+) *Эватл платит по вердикту суда*
vs (ii`EV-) *Эватл не платит по вердикту суда*

можно трактовать и как описания ситуаций и как описания действий, равно как и все остальные предложения, о которых шла речь выше. Ясно, что (ii`ЕС+) и (ii`ЕС-), а также (ii`EV+) и (ii`EV-) — это противоречивые пары пропозиций, способные сделаться основанием логического парадокса. Возникает вопрос: различные предложения (ii`ЕС+) и (ii`EV+), а также их отрицательные версии указывают на одни и те же действия Эватла, или на разные действия? Аналогичным образом дело обстоит и с действиями Протагора.

Условимся считать, что в (ii`ЕС+) и (ii`EV+) и в других подобных парах идет речь об одном и том же действии, однако в его поддержку приводятся разные основания — по договору и по вердикту суда. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать пары пропозиций, мы будем изучать действия и основания для их совершения. Тем самым спор, представлявшийся логическим парадоксом, где приводятся равной силы основания в пользу утверждения и его отрицания, становится спором — практической аргументацией. Поскольку в практической аргументации речь идет о действиях, говорить о противоречии не приходится, и логического парадокса возникнуть не может.

Когда речь идет о логическом исследовании или об исследовании аргументации, пропозиции и действия следует строго различать. Два действия, даже если это действие и воздержание от него, не могут составить противоречащую пару в том же смысле, в каком ее образуют пропозиция и ее отрицание, потому что противоречие — это логическое отношение между пропозициями, устанавливаемое на основе несовместимости их логических значений. Агенту доступны в равно как действие, так и воздержание от него, пока он не совершил это действие, но когда действие было совершено, воздержание от его совершения становится недоступным. Однако между действием и воздержанием от него, которые можно в этом смысле

трактовать как несовместимые, не могут быть установлены такие же логические отношения, как между противоречащими пропозициями. В паре противоречивых пропозиций ложность одной следует из истинности другой, и наоборот. В паре несовместимых действий речь не идет об их оценке в терминах логических значений и все зависит от эмпирического факта: было ли совершено действие или нет.

Действия — это события в эмпирическом смысле, а не ментальные сущности как пропозиции. Действия ничего не описывают, и не могут служить посылками и заключениями в дедуктивных умозаклучениях. Принцип не-противоречия к действиям неприменим: Эватл может платить и не платить равным образом, и то же самое можно сказать о действиях Протагора, хотя после того, как агент совершил одно из действий подобной пары, совершение второго для него уже невозможно. Поэтому важно различать эмпирический характер несовместимости отношений внутри такой пары действий как действие и воздержание от него, и логический характер несовместимости истинностных значений пропозиций внутри противоречивой пары пропозиций.

Тем не менее, действия могут играть роли посылок и заключений в практической аргументации, которая, в отличие от дедуктивных умозаклучений, может быть формулирована по-разному, и, в том числе, в терминах выполнимости действий⁵. В этом случае в рассуждении от посылок к заключению происходит перенесение не логических значений, но выполнимости в смысле эмпирических событий. Так, судебные вердикты, включая тот, о котором речь идет в (i). Помимо того что сам по себе судебный вердикт есть действие, он также меняет статус действий сторон конфликта. Так, вердикт судей в споре Протагора и Эватла может изменить статус действий Эватла, сделав, например, внесение платы обязательным или не обязательным. Аргументация в пользу того, какое из решений касательно действий Протагора и Эватла следует принять, является практической, в отличие от теоретической аргументации, в ходе которой выдвигаются аргументы за или против какого-либо мнения, представляющего собой непустое множество пропозиций. Аргументы в пользу того или иного ответа на (i), представляющие собой ответы на (ii), — это примеры практической аргументации о действиях. Считать, что подобные аргументы не способны играть роли посылок и заключений в рассуждениях, равнозначно тому, чтобы отрицать возможность практической аргументации вообще, и судебной или медицинской в частности. Ясно, что практическая аргументация отличается от дедуктивных умозаклучений [Лисанюк 2015: 283–286], но это означает лишь то, что корректность такой аргументации нуждается в иных подходах к ее оценке, нежели оценка в терминах истинностных значений [Лисанюк 2016].

Так, определенные особенности действий позволяют установить между ними некое подобие отношений несовместимости. Предположим, что агент α собирается совершить действие А либо не совершать его, т. е. совершить — А. Пока α размышляет, как поступить, оба действия в равной степени возможны. Есть две особенности этой ситуации, демонстрирующие нам, что означает несовместимость

⁵ Здесь я придерживаюсь акциональной трактовки выполнимости, указывающей, что действие было совершено, а не дескриптивной, в духе индикативного предложения, описывающего действие или ситуацию после его совершения. Сложный вопрос о том, пропозиция и пропозициональное содержание описания действия — это одно и то же или нет, я оставляю за рамками данной статьи.

действий. Во-первых, α не может совершить оба действия сразу, и, во-вторых, как только А реализовано в поступке α , совершение $\neg A$ становится невозможным для α . Аналогичным образом, если судьи в своем ответе на (i) решают удовлетворить требование Протагора, т. е. они выносят вердикт, что Эватлу надлежит заплатить, тем самым они отклоняют возможность вынести вердикт противоположного содержания — поддержать позицию Эватла и отказать Протагору в его требовании. Эта несовместимость действий носит практический характер, она не истинностно-значная, и связана эмпирически с выбором агента, как поступить, в отличие от логического отношения противоречия между пропозициями, описывающими фактическое положение дел после того, как действие было совершено или не было совершено.

Рациональное обоснование выбора агента, как поступить, когда оно имеется, представляет собой аргумент, демонстрирующий, почему агент выбрал именно это действие из доступных и подходящих для достижения каких-либо целей. Одновременно этот аргумент демонстрирует, почему все альтернативные линии поведения были отклонены [Searle 2001: 265]. В этом отношении практическая аргументация напоминает дедуктивное рассуждение, заключение которого отбрасывает противоречащие ему заключения, что было подмечено еще Аристотелем, изложившим суть рассудительного практического силлогизма в «Никомаховой этике» [Аристотель 1983: Z, 1138b 18 — 1145a15], а особенности делиберативных рассуждений — в «Риторике» [Аристотель 1978]. Часто эта схожесть в том, что и умозаключения и практические рассуждения представляют собой разновидности рассуждений, вуалирует центральное их различие: дедуктивное умозаключение фиксирует необходимую связь между посылками и заключением таким образом, что в рассуждении агент, приняв посылки, не может не принять заключения. В практическом рассуждении о действиях принятие посылок, среди которых могут быть желания, намерения, оценки и т. п., делает более вероятным принятие заключения по сравнению с его непринятием. Поскольку действия и пропозиции отличаются в терминах логической выводимости и в том, что касается формализованных оценок их структурных элементов, но между парами действий и парами пропозиций можно установить некие, хотя и эпистемологически разные, отношения несовместимости, постольку и те и другие могут служить элементами эмпирических рассуждений, несмотря на то, что по своим формальным характеристикам это будут рассуждения разного рода.

5. АНАЛИЗ СПОРА

Итак, мы пришли к положению о том, что Спор Протагора и Эватла — это спор о действиях, или составленных из действий линиях поведения. В Спорѣ имеется три существенных вопроса, по поводу которых позиции Протагора и Эватла меняются, тем самым порождая то, что ошибочно считают парадоксом. Это происходит из-за того, что Протагор и Эватл не придерживаются каждый какого-либо одного мнения в Спорѣ, как это происходит в теоретической аргументации или дедуктивных умозаключениях, где логические значения пропозиций, служащих посылками и заключением, остаются неизменными. В Спорѣ Протагор и Эватл меняют свое мнение касательно ответа на следующие три вопроса, в зависимости от заключения, которое желают получить:

РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

- (1) Включает ли договор дела, где Эватл — сторона конфликта?
- (2) Соответствует ли договору эта тяжба, начатая Протагором?
- (3) Обязан ли Эватл заплатить?

Назовем эти три вопроса соответственно Спором о Договоре, Спором о Тяжбе и Спором о Плате. Отметим, что ответ на вопрос (3) подразумевает решение о выполнении в дальнейшем действия, тогда как ответы на вопросы (1) и (2) — это утверждения, выражающие позиции Протагора и Эватла. По сюжету спора Протагор и Эватл выдвигают каждый по две линии аргументации, состоящие из их ответов на вопросы (1) — (3). Будем называть их Р- и Е-линиями аргументации:

P1		E1	
(1-)	Нет, договор не включает дела, где Эватл — сторона конфликта	(1+)	Да, договор включает дела, где Эватл — сторона конфликта
(2-)	Нет, эта тяжба не соответствует договору	(2+)	Да, эта тяжба соответствует договору
(3+)	Да, Эватл обязан заплатить (по вердикту суда)	(3-)	Нет, Эватл не обязан платить (по вердикту суда)
P2		E2	
(1+)	Да, договор включает дела, где Эватл — сторона конфликта	(1-)	Нет, договор не включает дела, где Эватл — сторона конфликта
(2+)	Да, эта тяжба соответствует договору	(2-)	Нет, эта тяжба не соответствует договору
(3+)	Да, Эватл обязан заплатить (по вердикту суда) (по договору как выигравший дело в суде)	(3-)	Нет, Эватл не обязан платить (по договору как проигравший дело в суде)

Нетрудно заметить, что в зависимости от желаемого ответа на (3), Протагор и Эватл выдвигают противоположные ответы на (1) и (2), так что в одной линии аргументации у каждого оказываются положительные ответы, а в другой — отрицательные. Эти ответы составляют противоречащие пары утверждений, так что рациональному агенту, к каковым мы относим Протагора и Эватла, невозможно принять за истинные оба утверждения в паре. Поэтому разумно считать эти утверждения не утверждениями об истинности соответствующих пропозиций, но действиями по принятию той или иной линии поведения в практической аргументации, что выводит спор из-под понятия логического парадокса. В этом случае более нет нужды беспокоиться о противоречии в паре пропозиций, выражающих положительный и отрицательный ответ на (1) и (2): поскольку они принадлежат двум разным линиям поведения, постольку оба эти действия вполне могут быть выполнены одним агентом до тех пор, пока одно из них не было реализовано. Таким образом, Протагор и Эватл не стремятся вывести заключение из посылок, выраженных пропозициями — ответами на (1) и (2), но осуществляют построение линий поведения, составленных из определенных действий.

6. РЕШЕНИЯ ПАРАДОКСА

Дискуссия о том, как разрешить спор Протагора с Эватлом, продолжается более двух тысячелетий, и за это время было предложено немало решений спора в русле трактовки его как парадокса. Их можно разделить на две группы, логические и юридические, причем все они нацелены на то, чтобы найти способ нарушить равенство сил в аргументах за и против ответов на (i) путем придания большего веса какому-либо из них или добавления новых аргументов⁶. Покажем, каким образом эти дополнительные разграничения склоняются к усилению либо пропозиционального, либо экспрессивного аспектов границы между действиями и утверждениями (пропозициями) в споре.

Как мы видели, в Споры аргументация в пользу требований Эватла и требований Протагора выглядит равной по силе, и судьи решили уклониться от вынесения вердикта, по видимости, из-за того, что безуспешно искали такую аргументацию в пользу одного из них, которая была хотя бы на йоту сильнее, чем в пользу другого. В этой ситуации три аспекта аргументации сторон представляются наиболее существенными. Первый из них имеет прямое отношение к отказу судей от вынесения вердикта по делу, второй — обобщает границу между логическими и юридическими решениями спора, а третий — выявляет одно из концептуальных свойств, характерное для всех предложенных решений. Как мы увидим далее, первый аспект вытекает из второго, и именно первый выступает ключом и к классификации предложенных решений, и важным шагом к предлагаемому новому акциональному решению.

На деле посредством уклонения от вынесения вердикта судьи не преуспели в том, чтобы отказаться от решения этого дела, потому что их молчаливый шаг можно расценить как определенный акциональный ответ, или ответ действием на вопрос (i). В Р- и Е-линиях аргументации этот шаг судей отклонил посылку, описывающую их вердикт, что опосредованно поддерживает линию (E2). Иными словами, отказ выносить вердикт по делу льет воду на мельницу Эватла, потому что оставляет ситуацию ровной такой, какой она была, когда Протагор безуспешно ожидал победы Эватла в суде, чтобы получить причитающийся долг. Отказ вынести вердикт оставляет долг без оплаты, что весьма близко к тому, к чему стремится Эватл. По этой причине многие исследователи считают такое поведение судей юридически и процедурно неправильным⁷, и указывают на профессиональную обязанность судей решать дела, относящиеся к их компетенции, так что единственный способ избежать этой обязанности — сложить с себя полномочия судьи.

Отметим, что вердикт судей — это не набор предложений, описывающих или оценивающих некие события, который должен быть принят сторонами конфликта, но перформативный акт, из которого вытекают определенные последствия в виде накладываемых на стороны конфликта обязательств придерживаться конкретных линий поведения, согласно вердикту суда. Поэтому отказ судей вынести вердикт по делу неявным образом поддерживает позицию Эватла, ведь он не обязывает его

⁶ Мы не выделяем в особую группу теоретико-игровые решения, нацеленные на подсчет выигрышных стратегий, т. к. подобные решения находятся в этом же русле разрушения равенства аргументов игроков. См., например, [Светлов 2005: 372].

⁷ См., например, решение Л. Валлы [Valla 2012: III 13, 3–31], Лейбница [Artosi et al. 2013: 88], Р. Смаллиана [Смаллиан 2005: 131].

платить, и, следовательно, не удовлетворяет требование Протагора, хотя и не отменяет оспариваемого Эватлом долга.

В Споре о плате обе линии аргументации, E- и P-, ссылаются на определенное действие судей как на их вердикт по делу, однако невынесение ими вердикта не соответствует ни одному из возможных ответов на вопрос (i). Следовательно, в тот момент, когда Протагор и Эватл формулируют свою аргументацию в поддержку своих требований, еще не существует вердикта судей, на который они ссылаются. По этой причине чтобы найти решение этой задачи, многие исследователи пытались ввести временные разграничения между посылками, которые описывают реальные положения дел и вследствие этого могут быть использованы в аргументации, и теми, которые не описывают таких положений и поэтому не могут быть в ней использованы. В этом ключе посылку касательно вердикта судей надлежит вычеркнуть, потому что в момент начала спора и обращения Протагора в суд еще не существует решения суда, на которое оба спорщика ссылаются в своей аргументации.

На временном разграничении основано и логическое решение спора «два суда», которое было выдвинуто еще античными авторами и подробно изложено Лейбницем, Л. Валлой, Р. Смаллианом. Оно проводит границу между парами посылок (1-), (2-) и (1+), (2+) следующим образом: первую пару посылок задействуют в первом судебном разбирательстве в поддержку вердикта (E2) — отклонить требование Протагора, а вторую пару, взятую вместе с новой посылкой, описывающей первый вердикт в пользу Эватла, — во втором процессе, где выносят вердикт (P2) — требование Протагора удовлетворить. Тем самым при помощи временного разграничения равенство сил аргументов в первом процессе разрушено в пользу позиции Эватла, а во втором — в пользу Протагора [Lenzen 1977].

Стремление разрушить равенство сил аргументов посредством добавления или удаления посылок, характеризует логические решения спора, в отличие от юридических, нацеленных на то, чтобы обосновать тот или иной судебный вердикт. Другими словами, логические решения пытаются дать убедительный ответ на вопрос (ii), а юридические — представить мотивацию для ответа на вопрос (i). По этой причине спектр юридических решений шире, чем спектр логических, и некоторые юридические решения полагаются на правовые аспекты дела и процессуальные вопросы судебного разбирательства [Sobel 1987; Jankowski 2015].

Юридические решения спора можно разделить на четыре типа⁸. Первый составляют решения в духе «два суда». Ко второму относятся так называемые «несвоевременные» решения в русле (E2), состоящие в том, чтобы исследовать дополнительные обстоятельства дела. Например, судьи могут интересоваться, почему вопреки своему первоначальному намерению Эватл не стал участвовать в судебных процессах, они могут учесть, что всякий труд должен быть оплачен, или могут указать на преждевременность обращения Протагора в суд. В основе решений третьего типа лежит понятие бремени доказательства: на том, кто затевает тяжбу, и лежит бремя доказательства. Протагор является истцом, а его аргументы имеют равную силу с аргументами Эватла, поэтому подсчет аргументов говорит в пользу Эватла. Четвертый тип решений можно назвать «антиисторическим». Афиняне, как истцы, так и ответчики, обязаны были лично представлять себя в суде, однако для написания своей речи в суде можно было нанять помощника — логографа. Если

⁸ См. обсуждение в [Лисанюк, Микиртумов 2009; Ивин 2004: 269–271].

бы не это правило, Эватл мог бы воспользоваться услугами адвоката, который представлял бы его в суде. Этим он исключил бы начатый Протагором процесс из числа упоминаемых в договоре и сделал бы невозможным использование посылок (1) и (2) в аргументации обоих.

Логические решения спора образуют два типа. К первому относятся уже упоминавшиеся выше решения, нацеленные разрушить равенство сил аргументов сторон при помощи дополнительных разграничений, включая временные. Л. Оквист предложил для той же цели считать одно из условий внесения платы Эватлом необходимым, а другое — достаточным, что делает аргумент, содержащий достаточное условие, более сильным [Åqvist 1995]. Другой способ введения дополнительных разграничений с той же целью основывается на теории типов Рассела и заключается в том, чтобы различать между тем, что в договоре обозначено как «первое дело Эватла» и как «первое выигранное дело Эватла» [Northrop 1944: 51–52]. Такой подход близок к изложенной выше идее проводить границу между Спором о Тяжбе и Спором о Договоре.

Все логические решения опираются на пропозициональную трактовку аргументов Протагора и Эватла и для этого используют экспрессивный аспект в качестве технического инструмента. Юридические решения, напротив, абстрагируются от пропозиционального и экспрессивного аспектов. Они нацелены на обоснование того или иного вердикта, в котором получают соответствующую оценку действия спорщиков, упоминаемые в обосновании как их высказывания в ходе Спора. В определенном смысле все логические решения, — «временное», при помощи необходимых и достаточных условий, на основе теории типов — стремящиеся посредством дополнительных дистинкций разрушить равенство сил аргументов, схожи либо с решением «два суда», либо с «несвоевременным» решением. При этом каждое из них не только дает ответ на (ii), но может служить обоснованием для ответа на (i), в отличие от юридических решений, фокусирующихся только на (i). Вместе с тем, все логические решения сами по себе — это своего рода *ad hoc* заплатки, потому что хотя они и предлагают дополнительные посылки для уточнения аргументации, детализируя суть спора, первоначальный вопрос (ii) они оставляют для ответа вердикту суда, который сам по себе не может служить посылкой, обосновывающей ответ на (ii). Подобные заплатки жертвуют элегантностью акционального решения спора ради пропозициональной простоты.

То же самое можно сказать и о логических решениях второго типа, где спор трактуется как парадокс самореференции. Согласно одному из них, парадокс порожден некорректным применением условия к самому себе: условие в договоре ссылается на вердикт суда, ссылающийся на условия договора. Согласно другому, парадокс возникает из-за противоречия в аргументах каждой из сторон: в антецедентах аргументов Протагора и Эватла используются предложение и его отрицание. Это обстоятельство, на мой взгляд, говорит в пользу акционального решения, потому что невозможно одновременно считать истинными оба предложения в такой паре.

7. АКЦИОНАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

В предлагаемом здесь акциональном решении выделим три аспекта: собственно акциональный, когнитивный и исторический. Когнитивный и исторический аспекты производны от акционального.

Е- и Р-линии аргументации дают нам четыре возможных ее маршрута, ведущих к двум противоположным результатам Е(3-) и Р(3+). Поскольку ранее мы уже пришли к выводу, что здесь имеет место практическая аргументация о действиях, а не теоретическая — о фактах, постольку это вполне соответствует тому, что спор идет о действии *платить* и действии *не платить*. Вспомним теперь, что противоречие пропозиций и несовместимость действий различаются эпистемологически: противоречие носит логический характер и есть несовместимость логических значений двух ментальных сущностей, или логических значений пропозиции и ее отрицания; несовместимость действий носит эмпирический характер и заключается в том, что один и тот же агент не может выполнить эти действия одновременно. Отметим, что в общем случае эмпирическая несовместимость действий не обязательно подразумевает действие и воздержание от него.

Вернемся теперь к Е- и Р-линиям аргументации. Действие *не платить по вердикту суда* в Е1(3-) есть то же действие, что Р2(3+), потому что несмотря на то, что описания этих действий представляют собой пару противоречащих пропозиций, тем не менее они суть разные описания одного и того действия, когда Эватл, выиграв дело в суде, платит Протагору по вердикту суда, что есть то же самое, что он не платит ему по договору. Аналогичным образом, пропозиция, описывающая в Е2(3-) действие *не платить по договору*, когда Эватл проиграл дело в суде, указывает на то же самое действие, что в Р1(3+) — *платить по вердикту*. Дело обстоит именно так, потому что в сюжете спора эмпирическая несовместимость действий Эватла одновременно *платить* и *не платить* проливает свет либо на дескриптивно представленные основания выполнить эти действия или воздержаться от их выполнения, либо на действия судей по вынесению вердикта, двусмысленным образом представленные в этом анекдоте. Большинство юридических решений Спора лежат именно в этом русле проведения дистинкций между различными описаниями действий.

В повседневной разговорной практике одно и то же действие часто может быть выражено разными предложениями естественного языка, наподобие того, как это бывает с одной и той же пропозицией. Пропозициональное разграничение между действиями и пропозициями показывает, почему ограничение логического непротиворечия на использование для этого предложения и его отрицания действует в случае пропозиций, и не действует применительно к действиям, которые вполне могут быть выражены в языке логически противоречивыми предложениями. Мы не склонны видеть в этом ничего парадоксального, когда речь идет о действиях, но считаем это парадоксом, когда речь идет о пропозициях. Например, Иван Петров женится на Маше Сидоровой, это действие Ивана можно описать следующими предложениями: *Иван женится на Маше по любви*, *Иван женится на Маше по расчету*, *Иван женится на Маше, т. к. они были помолвлены*.

Вместе с тем, действие [Иван] женится есть одновременно также действие [Иван] не женится, если речь идет обо всех других девушках, кроме Маши Сидоровой⁹. Намерение Ивана состояло в том, чтобы жениться именно на Маше Сидо-

⁹ Факт существования многоженства высвечивает важность двух свойств множества невест H : его конечности и того, что пересечение двух его подмножеств $H1$ и $H2$, образуемых женитьбой Ивана, является пустым, так что жениться на непустом, хотя, возможно, одноэлементном, его подмножестве $H1$ означает не жениться на подмножестве невест $H2$, составляющем дополнение первого подмножества до H .

ровой, и оно вряд ли было сознательным намерением не жениться на всех других девушках, кроме нее. Поэтому мы склонны считать действие его не-женитьбы на них скорее эмпирическим последствием его женитьбы на Маше, нежели трактовать его как отличное от первого описание того же самого действия женитьбы на Маше, наподобие того, как в противоречивой паре предложений отрицание одного из них вытекает из отрицания другого.

Таким образом, акциональное решение этого спора приводит нас к заключению о том, что действие получение оплаты Протагором по договору есть одновременно действие избегания Эватлом оплаты по суду, что означает, что Эватл платит Протагору в любом случае:

- (iiPV+) *Протагор получает плату по вердикту суда*
= (ii`EC-) *Эватл не платит по договору*
- (iiPV-) *Протагор не получает плату по вердикту суда*
= (ii`EC+) *Эватл платит по договору*
- (iiPC+) *Протагор получает плату по договору*
= (ii`EV-) *Эватл не платит по вердикту суда*
- (iiPC-) *Протагор не получает плату по договору*
= (ii`EV+) *Эватл платит по вердикту суда.*

В этих парах действий только одно является указанием на реальное действие, второе же представляет собой иное его описание, некий дескриптивный фантом того же самого действия. Парадокс рождается из-за того, что пары таких описаний составлены так, чтобы получилась противоречивая пара предложений, состоящая из описания действия и отрицания этого описания. Если же мы будем последовательно сопоставлять действия, избегая того, чтобы обсуждать их различные описания, то мы сможем разорвать этот круг описательных предложений, отрицания которых влекут одно другое, не взирая на то, что часть из этих описаний относится не к совершаемому, а к будущим действиям (как в случае вердикта судей). Итак, акциональное решение, которые мы здесь отстаиваем, наилучшим образом можно выразить так: Протагор получит плату в любом случае, независимо от того, каким образом это действие описать, как получение ее по договору или по вердикту суда.

Обратимся теперь к когнитивному и историческому аспектам нашего акционального решения, которые помогут выяснить, почему в нем говорится именно о действии получения платы Протагором вместо того, чтобы вести речь о действии внесения или не-внесения платы Эватлом. Когнитивный аспект говорит о том, что в аргументации имеется всего две стратегии, хотя и четыре ее линии. Несмотря на то, что, как кажется, имеется четыре возможных заключения в этих четырех линиях аргументации, на деле и заключений всего два, и даже эта пара описывает одно и то же действие. Имеем ли мы дело в таком случае с двумя разными агентами в споре? Если да, то как их отличить друг от друга? Анекдот не дает никакой подсказки для этого ни в их действиях, ни в убеждениях, ни в чем-либо ином, что бы позволило отличить линии аргументации Протагора и Эватла с точки зрения их убеждений или намерений. Следовательно, если Спор описывает реальные события, то агент в споре один, это Протагор, который получит плату в любом случае, будет ли это Эватл или другой ученик.

Исторический аспект этого решения заключается в том, что у нас не имеется никаких других сведений о Эватле, кроме этого анекдота, однако имеются сведения о том, что в подобной задаче фигурировали и другие персонажи (см. сноску 2).

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеется три основания, позволяющих заключить, что Протагор получит плату в любом случае. Акциональное решение базируется на двух различиях между действиями и пропозициями, пропозициональным и экспрессивным. Пропозициональное различие, ключевое для акционального решения, показывает, почему действие оплаты Эватлом по договору есть одновременно его действие не-оплаты по вердикту, и наоборот. Экспрессивное различие показывает, почему одно и то же действие может быть в языке выражено парами противоречащих предложений, и это обстоятельство проливает свет на то, почему Спор ошибочно принимают за логический парадокс.

Мы рассмотрели анекдот о Споре Протагора и Эватла как пример практической аргументации, сформулировав четыре ее линии, по две у каждого из них, что привело нас к выводу о том, что в Споре имеются всего две стратегии аргументации, выраженные по-разному в этих линиях, и заключениями в них выступают два предложения, а не четыре. Более того, эти два предложения описывают одно и то же действие.

Когнитивный и исторический аспекты акционального решения говорят о том, что в этом анекдоте о Споре Эватл — это фантом. Данное утверждение основано на том, что два агента спора идентичны, если идентичны совершаемые ими действия и выдвигаемые в пользу этого аргументы. Исторический аспект состоит в отсутствии иных сведений о Эватле, кроме данного анекдота, что подтверждает идею о том, что Эватл — это фантом.

ЛИТЕРАТУРА

- Авл Геллий 2007–2008 — *Авл Геллий*. Аттические ночи. Книги I–X / Пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. СПб.: Гуманитарная академия, 2007–2008.
- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Аристотель 1983 — *Аристотель*. Никомахова этика // Соч. в 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 53–294.
- Диоген Лаэртский 1986 — *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
- Ивин 2004 — *Ивин А. А.* Логика для юристов. М., 2004.
- Квинтилиан 1834 — *Квинтилиан М. Ф.* Марка Фабия двенадцать книг риторических наставлений. Книга III. СПб., 1834.
- Лисанюк 2015 — *Лисанюк Е. Н.* Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015.
- Лисанюк 2016 — *Лисанюк Е. Н.* Практическая аргументация и античная медицина, ΣΧΟΛΗ (2016), X (1), p. 214–241.
- Лисанюк, Микиртумов 2009 — *Лисанюк Е. Н., Микиртумов И. Б.* Дело «Протагор versus Эватл» принять нельзя отклонить // Человек познающий, человек созидующий, человек верующий / Под ред. Ю. Н. Солонина и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 85–97.
- Маковельский 1967 — *Маковельский А. О.* История логики. М., 1967.
- Светлов 2005 — *Светлов В. А.* Конфликт: Модели. Решения. Менеджмент. СПб.: Питер, 2005.
- Смаллиан 2005 — *Смаллиан Р. М.* Как же называется эта книга. М., 2005.

- Åqvist 1995 — *Åqvist L.* The Protagoras Case: An Exercise in Elementary Logic for Lawyers // Time, law, and society: proceedings of a Nordic symposium held May 1994 at Sandbjerg Gods, Denmark / Eds.: Bjarup J., Blegvad M. Stuttgart, 1995: F. Steiner. P. 73–84.
- Artosi, Pieri, Sartor 2013 — Leibniz: Logico-philosophical puzzles in the law / Eds.: *Artosi A., Pieri B., Sartor G.* Springer, 2013.
- Cole 1991 — *Cole, T.* Who was Corax? // Illinois Classical Studies (1991) 16, p. 65–84.
- Jankowski 2015 — *Jankowski B.* The rhetor's dilemma: Leibniz's Approach to an Ancient case // Past and present interactions in legal reasoning and logic / Eds.: Armgardt M., Canivez P., Chassignard-Pinet S. Springer: Cham Heidelberg, NY Dordrecht London, 2015. P. 95–107.
- Lenzen 1977 — *Lenzen W.* Protagoras contra Euathlus. Betrachtungen zu eine sogenannten Paradoxie // *Ratio* 19 (1977), 164–168.
- Lisanyuk 2015a — *Lisanyuk E.* Euathlus is virtual in the dispute about Protagoras's tuition fee. *Rationality in action: Intentions, Interpretations and Interactions* / Под. ред. Е. Г. Драгалиной-Черной. СПб.: Алетейя, 2015. P. 102–104.
- Northrop 1944 — *Northrop E. P.* Riddles in Mathematics. Rogert E. Krieger Publ., Huntington, 1944, (1975).
- Searle 2001 — *Searle J.* Rationality in action. MIT Press, Cambridge MA, 2001.
- Sobel 1987 — *Sobel J. H.* The law student and his teacher. *Theoria* 53 (1), (1987), p. 1–18.
- Valla 2012 — *Lorenzo Valla.* Dialectical Disputations / Eds.: Nauta L., Copenhaver B. P. Vol. 2. Cambridge MA: Harvard University Press, 2012.